

НЕВА

8
2016

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сергей МНАЦАКАНЯН

Стихи • 3

Елена КРЮКОВА

Солдат и царь. *Фрагмент романа* • 9

Роман РУБАНОВ

Стихи • 106

Иван КАТКОВ

Олимпиец. *Повесть* • 110

Нина ГЕЙДЭ

Стихи • 126

Ренат БЕККИН

Казанские истории • 131

Борис ХОСИД

Стихи • 149

Борис ПЕТРОВ

Рассказы • 152

Егор ФЕТИСОВ

Рассказы • 167

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр АСМАНОВ

Почем она, рыбка золотая?
Заметки бывшего миллионера • 173

КОДЕКС КАРАМЗИНА

Елена ЗИНОВЬЕВА

О государственной судьбе • 182

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Портрет поэта. Альберт Измайлов. «Через память мою...». **Личность и рок.** Анна Даутова, Екатерина Иваненко. Ян Шванкмайер: между Дон Жуаном и Фаустом. **Рецензии.** Алла Марченко. Сальто-мортале под куполом цирка. Александр Вергелис. VERSUS CONSERVAT OMNIA. Борис Лихтенфельд. Поэт не для поэтов • 199

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)
Град Иудов в Горней. Часть 3 • 231

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

Ренат БЕККИН

КАЗАНСКИЕ ИСТОРИИ

ВНУТРЕННИЙ ХИДЖАБ

Одна девушка пожаловалась Жене, что родители с суровой предосудительностью не позволяют ей носить мусульманский платок.

— Ведь не страшно, если я не буду носить его, а? — говорила она, заглядывая Жене в глаза. — Внутренний хиджаб же есть, он поважнее внешнего будет.

— Я расскажу вам одну историю, — сказал Женя. — Там как раз про внутренний хиджаб.

И девушка стала слушать. И стала мне известна вся эта история от начала до конца, потому что этой девушкой была я.

...Их было двое. Две большие подруги. В одном маленьком городе. Все называли их сестренками. Они познакомились в медресе. У одной был платок лазурного цвета, у другой — апельсинового. Первую звали Гульнур. Вторую — Гульназ. Гульнур была старше Гульназ на полгода и потому была перее младшей сестренки во всем.

Они стали сидеть за одной партой и вместе учили хадисы кудси¹: «Если ты испытываешь чувство любви к своему брату, поспеши ему сказать об этом».

— Золотые слова, — говорила Гульнур.

— Не поспоришь, — отзывалась Гульназ.

Вместе отмечали получение диплома, смеялись. И когда накричались вдоволь, немело подпевая их общей слабости — БГ, стали рассуждать, как жить дальше.

— Ты куда? — спросила подругу Гульнур.

— В Казань, — отвечала Гульназ, — а ты?

— Я тоже. Куда же я без тебя, сестренка!

Сели утром на автобус, обладая значительным пакетом семечек «Белочка», бутылкой воды и музыкой в наушниках. Попрощавшись с родными, обещав звонить и отвечать на звонки.

Первой сняла свой платок лазурного цвета Гульнур. Через полгода и Гульназ распрощалась с платком апельсинового цвета. Гульнур узнала о внутреннем хиджабе от одного заезжего московского имама. Имам получал деньги за свои лекции о том, как жить и преуспеть в этом мире. Этот внутренний хиджаб, оказывается, был во сто крат важнее внешнего, — того, что на голове. По душе пришлось эта идея Гульнур. А раз понравилось ей, то в скором времени полюбили и сестренке Гульназ.

Ренат Ирикович Беккин родился в 1979 году в Ленинграде. В 2007–2012 годах — главный редактор литературно-философского журнала «Четки». Автор романов «Ислам от монаха Багиры», «Хава-ля». Профессор Российской академии наук.

¹ Хадисы кудси — предания, которые, согласно исламской традиции, отличаются от обычных хадисов тем, что исходили непосредственно от Аллаха, а не от пророка Мухаммада.

Они чувствовали себя неловко на концертах БГ в своем лазурном и оранжевом платках. А внутренний хиджаб, он, что — он сокрыт от любопытного и зловредного глаза. О нем знаешь только ты и сестренка. Гульнур, недолго размышляя, выбрала для своего внутреннего хиджаба лазурный цвет, а Гульназ — апельсиновый.

На мартовском концерте БГ в «Униксе» Гульнур, уже обезхиджабленная, познакомилась с парнем. Его звали Марат. Гульназ радовалась за подругу. Она знала, что и Гульнур порадует за нее, когда она встретит своего принца.

Но недолго длились их встречи, расстались Гульнур и Марат. Ушел Марат от Гульнур. Осталась она одна и пошла в клуб. Прежде она в клубы не ходила. На концертах бывала, а в клубы не ходила. Внутренний хиджаб не позволял. И не стало больше прежней Гульнур. Сменяли друг друга мужчины, являвшиеся в ее жизнь, званные и незванные. О ком-то оставалось воспоминание, вызывавшее улыбку, о других — недовольная гримаса. От третьих не оставалась ничего, словно это были призраки из детской книжки, пылившейся в родном городе.

А что же Гульназ? Ее внутренний хиджаб апельсинового цвета оказался из более прочного материала, чем у сестренки. Он не позволял ей никого любить до свадьбы. И она ждала того, кто однажды придет и скажет ей тихо, но уверенно: «Гульназ, выходи за меня замуж ради Аллаха». Но никто не являлся, и Гульназ утомилась ждать.

Прошло семь лет, как они приехали в Казань. Гульнур стукнуло тридцать пять, а через полгода — и Гульназ.

— Сестренка, ответь, почему нас никто не берет замуж? — спрашивала Гульназ подругу.

— Потому что мы с тобой абики², — говорила Гульнур. И обе смеялись, но не так задорно, как прежде, когда они жили в своем маленьком городе и сидели за одной партой в медресе.

Каждая из них, конечно же, знала, почему никто не зовет замуж сестренку. Но никогда не осмелилась бы произнести это вслух даже наедине с собой. Гульнур видела, что подруга некрасива той телесной красотой, которую ценят мужчины, и навсегда останется гадким утенком. Гульназ же понимала, что Гульнур — девушка из тех, с кем гуляют, но не из тех, на ком обычно женятся. Обе думали, что научились понимать мужчин.

Женя умолк, отвлекшись на созерцание то ли велосипеда, то ли сидевшей на нем велосипедистки.

— А что же случилось дальше? — спросила я.

— Я давно не видел ни Гульнур, ни Гульназ. Кажется, они обе вернулись в свой город. И одна даже вышла замуж. Но кто именно: Гульнур или Гульназ — не припомню, хоть убейте. Да ведь и история эта не о них, а о внутреннем хиджабе, — заключил Женя, хитро улыбаясь.

РАМАЗАН

— Ты смотри, как будто на тебя шит, джальяб³, — Асхат хлопнул Женю по спине, сдул что-то невидимое с правого плеча, потянул за фалду слева.

— Да нет, что-то узковато...

— Зачем? Айда к зеркалу, — он потянул гостя в прихожую, в которой пахло утомившимися от ходьбы мужскими ногами.

² Абики — русско-татарское (мн.ч. от *татарск.* Эби — бабушка).

³ Джальяб (*узбек.*) — непечатное слово, означающее женщину легкого поведения. Подобно своему аналогу в русском языке широко используется как междометие.

— Сидит как на короле, — невысокий, почти поседевший Асхат скакал вокруг приятеля, улыбаясь собственному отражению в мутном зеркале, в уголках которого висели фотографии незнакомых ташкентских певиц. — Все девушки твои будут в этом костюме. Зуб даю.

— Дай мне подумать, Асхат. Ярый?⁴

— Зачем думать? Ему за две штуки новый костюм дают, неношенный, а он хочет думать.

— Асхат прав, — вставил слово губошлеп Фуад, младший брат Асхата. — Такие костюмы на дороге не валяются. Возьми и носи на здоровье. В честь того, что Рамазан сейчас, мы тебе его за полторы тысячи уступим.

— Кто ж спорит. Костюм и в самом деле хороший. Но он мне жмет в плечах. Да и брюки у меня с трудом на животе застегнулись.

— Какой живот? — Асхат хлопнул Женю чуть ниже пряжки на ремне, и тот вздрогнул. — Покакаешь, и не будет у тебя живота. В твои-то годы... Живот... Фуад, покажи мне, где у него живот, о котором он столько говорит.

Женя сложил руки на животе, уподобившись человеку, совершающему намаз, с тревогой в лице ожидая, что Фуад ударит его куда не следует.

— Нету, Женя, у тебя никакого живота, — сказал Фуад. — А если и есть, то лето скоро, похудеешь. Летом все худеют. А костюм летний. Если бы я был твоего роста, я бы не снимал этого костюма.

— Постой, ты же меня всего на пару сантиметров выше.

— Какую пару? Что с твоими глазами, друг? То живот ему мерещится, то пара сантиметров. У тебя весь рост в руки ушел. Посмотри на свои руки!

— Так ведь руки по локоть торчат.

— Все, хватит, — громко сказал Асхат, перестав улыбаться самому себе в зеркало. — Снимай костюм, и нечего тут больше говорить. Правильно говорят: не делай людям добра, они тебе в душу насрут... Что стоишь? Снимай костюм!

— Асхат, зачем ты так? Ты не понял.

— Все я понял. Снимай, говорю, костюм.

— Да ладно, перестань. Я и сам вижу, что костюм неплохой. Вот тебе полторы тысячи.

— Полторы?!

— Фуад же сказал, что скидка в честь Рамазана!

— Да... верно. Уговор дороже денег, как говорили у нас в Ташкенте. Запомни: хороший товар любит хорошего покупателя, — сказал Асхат после того, как деньги исчезли в нагрудном кармане его рубашки. — Фуад, заверни костюм в пакет и айда пить чай. Обмоем покупку.

Дома Женя показал костюм жене Нурисе.

— Бетеч⁵, с кого ты снял это? — спросила жена.

— У Асхата купил. Ему мал оказался.

— Ты что, не видишь, что он у тебя от долгов бежит?

— Ну, может, чуть-чуть, — отвечал Женя.

— Чуть-чуть? Так зачем же ты его взял? Или ты всерьез решил, что у нас дома помойка? В прошлый раз эти два братца тебе пальто всучили, в котором ты как подстреленный ходил. Помнишь, сколько мы потом с этим пальтой намучились из-за твоей деликатности, а? Забыл, что ли?

⁴ Ярый (*татарск.*) — ладно, хорошо.

⁵ Бетеч (*бэтэч*) — слово, происходящее от непечатного слова «бэтэк». В русском языке аналог «бетеч» — междометие «блин».

- Но мы же его твоему отцу на день рождения подарили.
- И что? Ты хоть раз видел его в этом пальто?
- Нет.
- Так что давай завтра отнеси Асхату его костюм и скажи ему большое спасибо.
- Неудобно как-то.
- А впаривать другу дерьмо всякое твоему Асхату удобно? Возьми, Боже, что мне негоже. Так, что ли?

Утром Женя позвонил Асхату.

- Ас-саламу алейкум, Асхат.
- Ва малейкум ас-салам⁶.
- Асхат, я зайду к тебе?
- Что случилось?
- Да так. Костюм твой не подошел.
- Как не подошел? Ты же вчера при двух свидетелях мерил.
- Ну, говорил же я тебе, что не подходит он мне. А ты: «Давай, давай!». Так я зайду к тебе?

- Заходи, конечно, брат... Но костюм я у тебя не возьму.
- Как не возьмешь? Он же твой.
- Нет, он теперь твой, брат.
- Но он мне не подходит!
- Слушай, ты когда в магазин приходишь, вещь меряешь, покупаешь, потом приходишь назад и говоришь: «Не подходит» — как на тебя в магазине смотрят? Как на друга или как на врага?

- В магазине ведь можно вернуть, если есть чек.
- Какой еще чек-акучек! Кто так дела делает?
- Асхат, я все-таки вечером зайду. Костюм у тебя хороший. И ты сам хороший, но он мне не подходит.

— Помнишь, сколько ты тогда из-за пальто драпового финского со мной препирался? И что, носишь уже сколько лет и носи еще столько же на здоровье!

- Я не ношу его, — отвечал Женя
- Ай-яй, зачем ты меня обманываешь? Я позавчера видел тебя с супругой в этом пальто. Вы из филармонии шли.

- Не ношу я этого пальто! Клянусь Аллахом! И в филармонии сто лет не был.
- Про филармонию — это твое личное дело. Был — хорошо, не был — гордиться нечем. И не клянись: Рамазан сейчас идет. Ангелы на небесах все дела и слова наши записывают в специальную тетрадку. Потом докладывают самому Аллаху. Перед Ним ответ держать будешь за свои слова.

- А ты не будешь?! А?
- Буду, — с готовностью отвечал Асхат. — Непременно буду. За то, что уступил другу за бесценнок шикарный костюм, а он меня растоптал за это как...

Женя понял, что еще немного, и он скажет Асхату что-нибудь нехорошее... А этого не стоит делать. Рамазан все-таки. И повесил трубку...

- Нейсе⁷, не берет костюм Асхат, — сообщил он жене.
- Что значит: не берет? Дай мне его номер. Он у меня возьмет.
- Не надо. Испортишь все.
- Тогда сам все организуй.
- Хорошо, — Женя взял пакет с костюмом Асхата и вышел на улицу.

⁶ Искаженный фрагмент мусульманского приветствия: ва алейкум ас-салям! (и вам мир!).

⁷ Нейсе (*турецк.*) — что ж, как бы то ни было.

Что делать? Идти к Асхату — значит разругаться насмерть. Да и не время конфликтовать сейчас — Рамазан все-таки. Возвращаться с костюмом домой — поссориться с женой.

Задумался Женя, а навстречу ему — бывший одноклассник Леха.

— Какие люди! — крикнул Леха, увидавший Женю прежде, чем тот его. — Как дела?

— Аллага шекер⁸, живы, — отвечал Женя, щуря глаза. — У тебя как?

— У меня-то... Да так, с переменным успехом. Батя мой вот... умер.

— Дядя Коля?! Урыны джанната булсын⁹. Когда умер?

— Вчера. Вот хожу, похороны организую.

— Да... хороший был дядя Коля. Скромный.

— Да уж, бессребреник. Ничего не имел и после себя не оставил, — произнес Леха то ли с печалью, то ли с гордостью, — даже похоронить вот не в чем. Обувь износил. Костюма приличного не осталось.

— Сам Аллах прислал меня к тебе! — вскричал Женя. — Вот держи, это твоему отцу.

Женя протянул Лехе пакет с костюмом.

— Что это?

— Костюм. Совершенно новый. Я его не носил. Да ты открой же его. Давай я тебе помогу!.. Ну что, нравится?

— Костюм, конечно, шикарный, — отвечал Леха, примеряясь к пиджаку, но не надевая его на свою не первой свежести футболку. — Ты зачем сам его не носишь?

— Мал он мне, — пояснил Женя. — А отцу твоему в самый раз будет. Если чуть-чуть велик — можно подогнуть уж. Несложно это. И цвет такой — как глаза твоего отца.

— Да что глаза... Они же закрыты будут.

— Верно, — сообразил Женя. — Но костюм все равно возьми, не обижай меня. Я любил твоего отца.

— Спасибо, Жека, — Леха крепко обнял бывшего одноклассника.

Домой Женя вернулся совершенно счастливый.

— Ну что, пристроил костюм? — спросила Нурия.

— Пристроил.

— Покеж деньги.

— Я без денег. Просто так отдал.

— Бетеч! Ты долго думал? Кому?

— Одному хорошему человеку.

— Кому?

— Дяде Коле, отцу моего одноклассника Лехи. Он умер.

— Кто умер? Леха?

— Нет, дядя Коля.

— А зачем ему тогда костюм?

— Ему не в чем в гроб было ложиться. Стыд выходит.

— Бетеч!

Неизвестно чем бы кончился этот разговор, если бы у Жени не зазвонил телефон.

— Салам малейкум, брат, — сказал Асхат. Он говорил непривычно быстро.

— Ва алейкум ас-салам. Рамазан мубарак!¹⁰

— Рахмат¹¹. Как дела?

⁸ Аллага шекер (*татарск.*) — слава Богу.

⁹ Урыны джанната булсын (*татарск.*) — пусть будет ему место в раю.

¹⁰ Рамазан мубарак! (букв. благословенный Рамадан) — мусульманское приветствие по случаю начала месяца Рамадан.

¹¹ Рахмат (*арабск.*) — спасибо.

- Альхамду лилля¹².
- Ты дома?
- Так точно.
- Отлично. Костюм мой... то есть теперь уже твой... рядом?
- Не совсем уж.
- То есть как не совсем? Где он?!
- Отдал одному хорошему человеку.
- Джальяб! Когда?
- Да меньше часа назад.
- Кому?
- Ты не знаешь.
- Джальяб! Дай мне его адрес... или номер.
- Зачем?
- Надо.
- Его сейчас лучше не беспокоить. Он отца хоронит. Я ему костюм отдал, чтобы он отца в нем похоронил.
- Джальяб! Ты долго думал? Дай мне его номер ради Аллаха, если в тебе осталось что-то святое! — вскричал Асхат.
- Да что случилось-то?
- Ты ничего внутри пиджака не находил? — спросил Асхат, понизив голос.
- ...Нет, не находил.
- Точно? Во внутреннем кармане пиджака у меня сто евро было. Я их туда положил, когда пытался костюм носить и забыл.
- Теперь понятно, но Лехе сейчас не до...
- Дай номер, я сам разберусь. Не волнуйся: я деликатно. Ты уж меня знаешь.
- Окончив разговор, Женя оглянулся и не увидел рядом жены. Она ушла от обиды куда-то. Может, в магазин, может, к своим родителям.
- Не успел Женя собраться с мыслями, а номер Асхата опять высветился на экране айфона.
- Короче, послал твой друг меня.
- Ничего удивительного.
- Ладно. Когда вынос тела запланирован?
- Асхат!
- Ничего не говори! Когда вынос тела? Я что, не имею права проститься с покойником? Просто хочу в глаза ему посмотреть.
- Кому? Покойнику?
- Нет, кенту твоему.
- Я не скажу тебе. Еще скандала не хватало на похоронах.
- Клянусь Аллахом, брат, я слова твоему Лехе не скажу. Он и не догадается, что это я звонил ему. Я же не идиот...
- На следующий день недалеко от входа в зал прощания при морге Женя увидел вишневую девятку Асхата с тонированными стеклами. Вскоре показался и сам Асхат в черном костюме с черной бабочкой с четырьмя гвоздиками. На глазах его были черные очки.
- Салам малейкум, брат Евгений, — сказал Асхат, не снимая очков.
- Ва алейкум ас-салам. Все-таки пришел... Асхат!..
- Я же обещал, брат. Скажи скорее, как звать покойника?
- Дядя Коля... Николай Николаевич...

¹² Альхамду лилля (*арабск.*) — слава Аллаху. Традиционный мусульманский ответ на вопрос: как дела?

Они вошли в небольшой зал с низким потолком, похожий на гараж. Посредине на специальном постаменте, покрытом черной материей, находился обитый тканью нежно-голубого цвета гроб. У самого гроба Женя увидел Леху, обнимавшего мать — маленькую седую женщину с большими бесцветными глазами. Чуть поодаль справа и слева от гроба стояли четверо немолодых мужчин. «Сослуживцы дяди Коли», — подумал Женя. Дядя Коля до выхода на пенсию служил в милиции. На покойнике был подаренный Женей пиджак. «МашаАлла!¹³ Как на него шит», — поразился Женя и сразу же прогнал эту мысль как нехорошую.

Женя подошел к Лехе и обнял его и прошептал: «Держись». Асхат тоже подошел к Лехе, но ничего не сказал. Сначала он обнял и поцеловал в щеку Леху, потом его мать.

Пришло время произносить речи. Асхат приложил правую руку к своей черной бабочке и сделал шаг вперед.

— Я знал покойного дядю Колю. Так мы все называли его. Он был чистым человеком. Всегда приходил на помощь. Бывало, денег не хватает, дядя Коля всегда последнее отдаст. Последнюю рубашку... последний костюм с себя готов был снять, лишь бы ближнему было хорошо. Я сам мусульманин, но мы всегда дружили с дядей Колей. Я буду возносить дуа¹⁴ Аллаху, чтобы дядя Коля обрел радость райской жизни. Сейчас у нас священный месяц Рамазан. Считается, что в этот месяц умирают праведники. Дядя Коля был настоящим праведником, и ангелы уже с нетерпением ждут его в раю.

— Кто этот человек? Мулла? — шептал за спиной Жени удивленный Леха. — Голос знакомый.

— Нет, не мулла, — с досадой отвечал Женя, ломая голову над тем, что делать, если Асхат выкинет какой-нибудь номер.

— Прости, дядя Коля, что мы, твои друзья и коллеги, не уберегли тебя, — Асхат снял очки, положил их в карман пиджака и громко зарыдал. Затем он подошел к гробу, склонился над покойником, затем быстро взял его за подмышки и слегка приподнял, покрывая щеки усопшего поцелуями.

Леха с матерью уже хотели вмешаться, как вдруг лицо Асхата исказилось, он широко распахнул рот, закатил глаза и, выпустив из рук дядю Колю, громко чихнул. В лицо покойнику, чья голова благополучно приземлилась на кружевную подушку, полетели влажные капли изо рта и носа Асхата.

Женя не мог более выносить всего этого и вышел. Ему хотелось смеяться до слез, и он прикрыл лицо ладонями, чтобы никто не видел, что происходило с ним. Когда он отнял руки от лица, первое, что он увидел, был Асхат.

— Мошенники, ненавижу!

— Что ты такое говоришь? — сказал Женя.

— Твой дружок скоммуниздил мои сто евро. Я этого вонючего старика всего обшарил. Пуст. Вынул вчера денежку твой Леха. Дать бы ему в рожу. Но не стану портить им мероприятие. Я ему после позвоню. Главное, денег в пиджаке не осталось, а эти я из него вытрясу вместе с душой. Правильно сказано в Священном Коране: «Не имейте друзьями христиан. Ничего хорошего от них не будет». И зачем они этого старика напудрили, как бабу? У меня же аллергия. Я даже супруге пудриться не разрешаю. Весь теку, — Асхат высморкался в большой клетчатый платок и зашагал к машине, бормоча что-то об ангелах, записывающих деяния людей в особую тетрадку.

Вдруг он остановился, обернулся и сказал Жене: «Тебе ботинки, сорок третий размер из замши нужны? Дешево отдам...»

¹³ МашаАлла (*арабск.*) — букв.: так захотел Бог. Используется при выражении радости, восторга.

¹⁴ Дуа — мусульманская молитва.

СОМ

На дне рождении у Мансура гости ели сома. Отец Мансура — толстый, с большими выпученными глазами, Ильшат-абзи, сам походивший на сома, — изловил рыбу в озере и доставил ее рано утром в подарок собственному сыну. Тот еще спал, когда рядом с его кроватью появился большой синий пакет с еще живым речным гигантом, а на столе — букет полевых цветов.

И вот теперь все гости Мансура сидели на веранде и ели сома, едва помещавшегося на нескольких больших тарелках. Не ел сома только один человек — Женя.

— Я ненавижу есть сома, — сказал он.

— Зачем? — изумился Мансур.

— Да так, — нехотя отвечал Женя.

— Что тебе сделал этот сом? Да и нет у нас другого сома.

— Так... у меня с сомами особые счеты. Не думаю, что стоит здесь говорить об этом...

— Нет уж, так не пойдет, айда рассказывай, — сказали гости, отложив в сторону вилки и ножи.

— Хорошо, — отвечал Женя, — я расскажу вам эту историю, но потом не браните меня, что я испортил вам ужин.

И он рассказал нам эту историю.

Все началось с того, что однажды у Жени пропал дядя, живший в деревне и также звавшийся Женей. Женя не очень любил своего тезку.

— Не ищите его, он сам найдется, — был его совет.

И Женя оказался прав. Но только не полностью. В тот же самый день, когда дяди хватились, на берегу озера нашли его вещи: «сланцы», которые в деревне все звали «вьетнамками», футболку, трусы и мобильный телефон. А вот самого дядю не нашли.

— С тех пор я не ем сомов, — сказал Женя.

— И это все? — возмущенно закричали гости. — При чем же здесь сом?

Женя снисходительно улыбнулся.

— Как вы, наверное, догадались, дядя мой утоп. Труп его так и не нашли, хотя мальчишки облазили все дно, думали, может, за корягу зацепился. Озерцо-то наше не глубокое уж.

— Так его что же... сом схавал? — предположил кто-то из гостей.

— Так точно.

— Но как ты понял, что именно сом сожрал дядю? — спросил Мансур.

— Всем известно, что эти твари не брезгают мертвечинкой. Это во-первых. А во вторых... — Женя растопырил перед носом именинника правую ладонь. — Во-вторых, видишь вот это самое кольцо?

— Вижу.

— Подозреваешь, чье оно?

— Твое, видимо, — сказал Мансур.

— Теперь да, — неторопливо отвечал Женя, — но прежде оно принадлежало дяде Жене. Тому, что утоп. Мой отец, считай, дядин брат, в прошлом году удил рыбу и поймал гигантского сома. Вот шундый¹⁵: метра два, чесслово. — Женя раздвинул руки, как рыбак, имеющий опыт в жестах говорить о своих успехах. — Мать принялась чистить рыбу, и вдруг слышим ее крик из кухни: «Женя, Женя». Мы, понятное дело, бросились к ней. Я первое всех, так как услышал свое имя. Врываемся в кухню, а мать стоит и держит в руке, испачканной сомовыми внутренностями, что-то маленькое и сильно плачет.

¹⁵ Шундый (*татарск.*) — такой, таковой.

— Что ты, анием?¹⁶ — кричу.

А она мне кольцо это показывает. С тех времен это кольцо мое. И с тех времен я не ем сомов ни в каком виде.

— А что написано на кольце? — спросила я, первой среди гостей отодвигая от себя тарелку.

— Это самая интересная часть истории, — сказал Женя. — Видите, здесь сказано, — он снял кольцо и стал читать, водя пальцами по выпуклой поверхности извивавшихся арабских букв: — «Нет бога, кроме тебя, о Господи. Ты бесконечно далек от всех недостатков». Эти слова произнес пророк Йунус, а по-русски Иона, когда его в наказание за его гордыню проглотил кит.

— Но ведь он же потом спасся... — вырвалось у меня.

— Так точно, — отвечал Женя.

— Но почему тогда Аллах не вызволил и вашего дядю?

На лице Жени появилась та же самая снисходительная улыбка, которую мы видели и прежде, в самом начале его рассказа.

— Нейсе... во-первых, сом — не кит, а во-вторых... во-вторых, дядя Женя — не Йунус. А теперь ешьте своего сома и не говорите, что я вас не предупреждал, — сказав эти слова, Женя встал и вышел на крыльцо. Под верандой жил еж, и всякий раз, когда Женя приходил к Мансуру, он играл с ежом, если еж позволял.

Нужно ли говорить, что к сому в тот вечер больше никто не притронулся.

СЛАБЫЙ ИМАН

— Что значит: «ради Аллаха»? — всякий раз спрашивал себя Женя, когда эта фраза слетала с уст его друзей, просивших у него деньги. Сам он впервые произнес эти слова, когда посватался к Нурисе.

— Выходи за меня замуж... ради Аллаха, — сказал ей Женя.

Нуриса молчала.

Женя тоже некоторое время молчал, внимательно наблюдая за лицом Нуриси.

— Не хочешь, а? — спросил он наконец, мягко передвигая языком слова.

— Хочу уж! — обиделась Нуриса. — Совсем подумать нельзя, что ли?

О том, что подобным образом следует свататься к девушке, Женя вычитал в книге одного молодого имама, приобретенной им в мусульманской книжной лавке на улице Парижской Коммуны. Но почему в такой ситуации необходимо произносить слова «ради Аллаха», в книге не пояснялось. И Женя решил, что настоящий мусульманин все на свете должен делать ради Аллаха. И потому жениться тоже следует только ради Аллаха.

Но подлинный смысл этих сокровенных слов Женя понял, только когда с ним приключилась следующая история.

Одна студентка влюбилась в Женю и захотела принять ислам. И в первом и во втором обстоятельстве не было ничего удивительного. Женя был парень примечательный, и влюбиться в него было делом пустяковым, не требовавшим соответствующего настроения. А намерением принять ислам в наши дни также никого не удивишь. Тем более что Женя был человеком, которому хотелось подражать.

Открыв свое намерение обратиться в ислам, студентка — большеглазая и черноволосая — добавила, что намерена сделать это сразу после брака с Женей.

— Но я уже женат, — отвечал Женя, нахмурясь.

¹⁶ Анием (*татарск.*) — мамочка.

— Так что же с того? Разве в исламе не дозволено жениться на четырех женщинах?! — отвечала подкованная студентка и добавила, понизив голос: — Евгений, возьмите меня замуж... ради Аллаха.

Слова возражения потерялись в горле у Жени. Он вдохнул, поглядел почему-то на небо и тихо спросил:

— Что же мешает вам принять ислам до замужества? Если у вас есть ният¹⁷, не стоит откладывать это решение. Принимайте ислам сейчас без каких-либо условий.

— Ният есть, ваша правда, — отвечала, немного нахмурившись, студентка. — Но я пока в самом начале пути, и потому мой иман¹⁸ еще слишком слаб. Помните, вы рассказывали нам на одном из занятий, как сами пришли в ислам и как слаб был ваш иман в самом начале. Настолько слаб, что даже дуновение ветерка с Кабана могло поколебать его. Красиво было сказано. Я даже записала себе.

— Помню, — буркнул Женя, а про себя решил: «Умна не по годам».

Вечером Женя говорил с женой.

— Жаным¹⁹, тут... нейсе... дело такое... одна девушка предложила мне... как бы... жениться на ней. Ради Аллаха.

— Что-о-о?! —

— Но она собирается принять ислам и ...

— Что-о-о?! —

— Ислам.

— Пусть принимает!

— Но она хочет сделать это после того, как выйдет замуж.

— Бетеч! Почему же не до?

— Говорит, у нее иман слабый.

— Что у нее слабое? Дай мне ее номер. Будут тут всякие сучкалар²⁰ тебе лапшу на уши вешать. Я ей растолкую все насчет имана.

— Не надо, жаным, я все понял, — взмолился Женя.

Женина жена была подлинная усал²¹. С тех пор Женя никогда не произносил слова «ради Аллаха», когда имел дело с женщинами.

НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕБРО

У Жени несколько дней болело сердце. Живший у них с Нурисой приبلудный кот по кличке Мурджани совершенно переменял свое отношение к Жене. Прежде кот вел себя так, словно его тихого хозяина и не существовало на свете. А теперь только и делал, что ласково мурлыкал и терся о Женины штаны.

— Смотри, как Мурджани со мной ласков, — сказал Женя Нурисе.

— Не к добру это, — отвечала жена. — Значит, ты скоро умрешь. Примета такая есть. Вот у Ильдара-абзи тоже кот был. И тоже, кстати, Мурджани. Никогда не подходил к нему, а за пару дней до смерти проходу не давал. Ласкался, мурлыкал так

¹⁷ Ният (*арабск.*) — намерение.

¹⁸ Иман (*арабск.*) — вера.

¹⁹ Жаным (*татарск.*) — букв.: душа моя. Традиционное ласковое обращение к возлюбленной у татар.

²⁰ Сучкалар — русско-татарское слово, означающее нехороших женщин. Возникло от соединения русского поносного слова и татарского суффикса «лар». Это слово можно услышать из уст татарских бабушек в адрес одетых во все короткое девушек.

²¹ Усал — прилагательное, не имеющее точного перевода на русский язык, но одинаково хорошо понимаемое всеми жителями Казани. Служит для обозначения татарских женщин. Иногда ошибочно переводится как «злой (злая)». Обладательница определения «усал» обладает непростым властным характером. Часто муж у женщины, характеризуемой как усал, — подкаблучник.

жалобно. А потом Ильдар-абзи лег на диван, открыл «Вечернюю Казань» и умер. Его жена — Асьма-ханум — говорила: это кот беду накликать.

Женя внимательно посмотрел на полосатого Мурджани. Тот, нисколько не смущаясь, глядел на Женю, слегка наклонив голову и всем своим видом как бы говоря: «Да уж, ничего не поделаешь, дорогой хозяин. Все мы смертны. Но я своей добротой могу скрасить твои последние дни».

— Тебе надо к врачу, — смягчилась жена. — Сходи уж.

И Женя пошел.

— В первый раз такое вижу! — воскликнула коренастая, подстриженная под «ноль» врачаха, размахивая снимком костей Жени. — В первый раз. Думала, в книгах такое только бывает. Вас надо студентам показывать.

— Зачем?

— У вас ребро неправильное! Совершенно прямое. Понимаете: совершенно прямое. То есть по всем медицинским законам вы с таким ребром не должны жить.

— Но я жив, — не вполне уверенно отвечал Женя.

— Ребро давит на внутренние органы и вам тяжело дышать.

— Но мне легко дышать, — сказал Женя.

— Не может быть, — усмехнулась врачаха.

— Ну, какой же мне смысл вас обманывать...

— Не знаю, не знаю, молодой человек.

— Что же мне теперь делать? — спросил Женя.

— Ничего. Жить. Но помнить великие слова: *memento mori*, или помни о смерти. В вас заключена бомба замедленного действия. И в любой момент может явиться старуха с косой.

Значит, прав был Мурджани. Стягивая сандалии в прихожей, Женя бросил жене: «Так и есть. Врачиха сказала: умру скоро». Пошел в душ и заплакал. Напрасно стучала Нуриси в дверь ванной комнаты. Не открывал Женя. Он не хотел умирать и потому плакал.

«Сколько мне осталось? — размышлял он, стоя под ледяным душем. — Что если завтра? Или сегодня? Сейчас?!»

— Не думай ни о чем плохом, — посоветовала ему Нуриси перед сном. — Продолжай жить, словно ничего не слышал.

— Легко сказать уж. Я-то, может, и забуду, но Мурджани мне сразу напомнит, — отвечал Женя, но над словами Нуриси задумался.

«В самом деле, — стал размышлять Женя. — Жил же я как-то прежде, пока не знал об этом всем. Надо больше работать, а не сидеть дома и ждать смерти. Даже если умру скоро, у жены деньги останутся на похороны и на квартиру».

В придачу к обычным университетским занятиям Женя занялся репетиторством (ходил на «репу», как говорили об этом не вполне уважаемом занятии в университете). Возвращался поздно, нередко находил жену спящей.

Один из учеников Жени жил в Старо-Татарской слободе. Было уже десять часов вечера, и транспорт в городе не ходил. Женя решил пройтись пешком по набережной Кабана. Людей было немного. Одинокие парочки лузгали семечки на скамейках у самой воды и стеклянными, ничего не выражающими глазами смотрели куда-то перед собой. Вскоре и парочки перестали попадаться вовсе. Женя спустился к воде. Ему показалось, что кто-то большой плюхнулся в воду. «Наверное, ондатра», — подумал Женя. Он стоял и пытался разглядеть в воде морду водяной крысы, когда услышал шум голосов. Рядом появились двое. Темные, в темной спортивной одежде.

— Братджан, выручай, — сказал один из них, тот, что был повыше, бородастый, в беисболке. — Нужно сто рублей до зарезу.

- Простите, но у меня нет.
- Зачем так сказал?
- А что я такого сказал? Нет у меня денег. Правду говорю.

Дальше случилось то, что обычно бывает в таких случаях. Двое хулиганов обрушили свое негодование на Женино тело. И он, молниеносно поверженный, пролежал в кустах до утра, пока его не отыскали приехавшие укладывать асфальт рабочие.

В больнице Жене сообщили, что у него поломаны два ребра.

— Скажите, какие именно? — оживился Женя и даже попытался привстать на кровати.

— Лежите-лежите! Вам нельзя шевелиться. Сейчас мы вас зафиксируем, — сказав это, добродушный молодой врач ткнул его легонько пальцем в то место, где, по словам врачихи, у Жени было неправильное ребро.

— Позвольте еще спросить: а этот перелом ребер опасен?

— Ничего страшного. В вашем возрасте не стоит бояться таких вещей. Срастется все. Будет лучше прежнего. Меня больше жидкость в ваших легких беспокоит. Как бы воспаление не подтвердилось.

— А меня, знаете ли, не беспокоит, — сказал Женя и громко рассмеялся.

Молодой врач давно не видел таких веселых больных и потому нежно погладил Женю по голове.

Вечером Нурися пришла к Жене.

— Мурджани совсем плох. Лежит, не ест ничего. Исхудал совсем. Похоже, ему конец.

— Это он мою боль на себя взял, — сказал Женя.

Мурджани и в самом деле вскоре испустил дух. Нурися держала его бессильное теперь для движения и ласки тело в морозилке в большом черном пакете. Женя придет — похоронит. Не женское это дело — хоронить котов. Да и не умела она это делать.

Выписавшись из больницы и предав земле Мурджани, Женя отправился к врачихе. «Наверное, удивится, что я жив», — рассуждал он, но врачиху не нашел. Вместо нее сидел какой-то неопрятного вида мужчина, лысый и толстый, похожий на повара из школьной столовки.

- А где тут... женщина работала такая? — спросил Женя.
- Петровна, что ли? В отпуске она. Диссертацию писать ушла.
- На какую тему?
- Точно не скажу. Что-то про ребра, — отвечал врач.

УКУС ДЖИННА

После смерти несчастливого провидца Мурджани о котах в доме Жени не говорили. Нурися упрашивала Женю завести собаку. Но он отвечал всякий раз: «Не приемлю собак: они тахарат²² портят».

Однажды когда Женя с Нурисей направлялись в гости, из переулка показалась собака. Когда-то это был пудель или смесь пуделя с кем-то еще, но теперь в этом опустившемся животном с трудом можно было различить следы благородной породы. Это было худое взлохмаченное существо, с комьями грязи на черной шерсти. Одно ухо у собаки отсутствовало.

— Не нравится мне эта собака... — произнес Женя.

Собака, вероятно, также подумала нечто похожее про Женю и про его жену. Она остановилась, глядя то на Женю, то на Нурису. Наконец взгляд ее остановился на Жене. В следующее мгновение пудель оскалился и устремился на него.

²² Тахарат — ритуальная чистота, необходимая для совершения мусульманской молитвы.

— Прочь, прочь, злое животное! — закричал Женя, опасаясь за свой тахарат. Но было уже поздно. Жене показалось, что его сильно ущипнули. Но потом ногу вдруг так свело, что он тихо сполз на траву. Нурия подняла лежавший на дороге кусок известняка и швырнула вслед неторопливо удалявшемуся пуделю. Пес даже не обернулся.

На следующий день Нурия отправила Женю к врачу.

— Что за собака вас укусила? — спросил его высокий лысый старик в очках.

— Смахивала на пуделя. Но точно сказать не могу. Пуделя, они же мирные обычно.

— Обычно мирные, но в данном случае порода не имеет значения. Домашняя или дворовая?

— Не знаю уж. На ней ошейник был вроде. Но может, и дворовая.

Врач что-то фиксировал в медицинской карте, заведенной на Женю по случаю его визита.

— Короче, ситуация такая, — сказал врач, закончив писать. — Если у нее есть хозяин, вам нужно немедленно отыскать его и потребовать сертификаты о сделанных прививках. На слово никому не верьте. Только документы! Если же собака бесхозная, то вам полагается наблюдать за ней в течение семи дней. Она за это время должна проявить свое бешенство. Тогда будем делать уколы.

— Кому?

— Вам, конечно! Но если за эти семь дней собака не продемонстрирует очевидных признаков бешенства, то тогда все хорошо... Жду вас через неделю.

— А какие бывают признаки бешенства?

— Обильно выделяющаяся слюна из пасти. Агрессивное поведение. Иногда: судороги...

Женя записал признаки бешенства в свой блокнотик и отправился напрямик в мечеть. В мечети служил его старый знакомый Владлен-хазрат²³, которого Женя почитал за его знания.

— Ас-саламу алейкум, Владлен-хазрат, — поздоровался он с имамом по окончании намаза.

— Ва аллейку ас-салам, брат Женя.

— У меня к вам вопрос, хазрат. Нейсе... меня вчера покусала собака. Имеется ли молитва, которая может помочь от укуса собаки? Я искал в Интернете, но толком ничего не нашел.

Владлен-хазрат нахмурил брови.

— Дело серьезнее, чем ты можешь думать, брат. Нужно читать суру «Йа син». Три раза. Не меньше. Это против боли. Но это еще не все. Через собаку в тебя мог вселиться джинн. Или, хуже того, сама собака могла быть джинном и оплодотворить тебя посредством укуса.

— Что же делать?!

— Нужно прождать семь дней. Держать пост. Читать Коран. Желательно вслух. Джинны, служащие шайтану, не выносят этого. Воздерживаться от контактов с супругой. Иначе джинн может перебраться к ней. А из женщины, как известно, выбить джинна сложнее, чем из мужчины...

Женя последовал советам Владлена-хазрата. Шесть дней он постился, усердно молился и в остальное время выслеживал собаку. Но, как назло, проклятого пуделя нигде не было. Только на шестой день вечером, когда Женя уже забыл думать о собаке, он наткнулся на нее почти на том самом месте, где был укушен. Пес мирно лежал на траве и, кажется, дремал, утомленный жарой.

²³ Хазрат — уважительное обращение к представителям мусульманского духовенства.

Женя сел на скамейку и стал наблюдать. Прошел час, прежде чем собака проявила себя. Она широко раскрыла пасть и начала потягиваться. Ничто в поведении зверя не указывало на признаки бешенства.

«Может, и в самом деле она никакая не бешеная, — подумал Женя. — Просто настроение было плохое. Увидела меня и решила отыграться».

Женя вспомнил свою маму, которая, когда вставала не с той ноги, так ругалась, что даже забулдыжные пьяницы во дворе замолкали, услышав ее голос.

Женя достал из рюкзака карманный Коран и принялся читать. Сначала он читал тихо, но потом, увлекшись, стал декламировать вслух.

Собака сначала зашевелила ушами и принялась втягивать носом воздух. Затем приподнялась и направилась, покачиваясь то ли от неги, то ли от истощения, к Жене.

Женя захлопнул Коран. Бежать?.. Нет, это самое глупое, что он сейчас может сделать. И он продолжил едва слышно читать коранические аяты. Пудель подошел к Жене, втянул носом воздух и прилег рядом — всего в нескольких собачьих шагах от Жениных ног.

Кажется, спит. Женя прекратил читать. Собака немедленно подняла голову, внимательно посмотрела на него и оскалила зубы. Женя продолжил чтение. Пудель закрыл пасть, и вновь морда собаки упокоилась на ее передних лапах. Так продолжалось минут сорок или около того — Женя потерял счет времени. Он устал и понял, что в горле у него пересохло. «Придется нарушить уразу, — размышлял он. — Еще и солнце так светить стало. Хоть бы в тень присесть». Продолжая произносить коранические слова, Женя осторожно поднялся, но собака подняла голову и зарычала. Женя со вздохом опустил на скамейку. Пудель сладко зевнул и вернулся в прежнее положение.

Женя еще несколько раз пытался покинуть свое узилище, но пудель не давал ему сделать и шага. Когда же он, утомленный, замолкал, пес всякий раз поднимал голову и недружелюбно смотрел на него, пока Женя не возобновлял свое чтение.

Не переставая читать, Женя отправил сообщение Нурисе: «Приходи я скамейке на Ботанической». Пальцы дрожали, и ему потребовалось несколько минут, прежде чем он смог набрать и отправить этот скромный текст. Вскоре появилась встревоженная Нуриса. Но пудель, почувствовав ее приближение, так зарычал, что ей пришлось с криком отбежать на безопасное расстояние.

— Я сейчас вызову полицию, — крикнула она мужу через улицу.

— Не надо! Ва-ль-фаджр, — крикнул в ответ Женя, перемежая свои слова чтением, дабы не прогневить пуделя. — Милицию не зови... ва лейлин 'ашр...²⁴

— Я тогда этим... хотдогерам позвоню!

— Догхантерам? Не смей... ва-ш-шаф'и ва-л-ватр...

— Что мне тогда делать?

— Иди домой! Ва лейли изаа ясри... Как стемнеет, я приду... ИншаАлла.

В тот момент Женя вдруг почувствовал, что сам уже никуда не хочет уходить. Он вспомнил, что такая штука называется «стокгольмским синдромом» — когда жертва преступника настолько прикипает к своему угнетателю, что начинает защищать его от властей...

Женя читал Коран до темноты. Когда он заканчивал суру «аль-Ихляс», пудель вдруг резко поднялся со своего ложа. У Жени онемели все конечности. «Вот и все», — подумал он. Пудель приблизился к нему, распахнул пасть и... лизнул своим языком маленькую сухую Женину ладонь. Затем, виляя своим куцым пуделиным хвостом, проник в темноту и пропал из виду.

²⁴ Начало суры «Заря» («аль-Фаджр»).

К врачу Женя решил не идти.

— И так все ясно, — сказал он жене. — Бешеная собака не стала бы слушать Коран несколько часов подряд.

— Но и нормальная собака тоже, — возразила Нурия.

— Значит, это все-таки была не собака, а джинн. Но, клянусь Аллахом, я бы дорого отдал, чтобы меня время от времени покусывали такие джинны, а среди моих студентов была эта собака или если бы кто-нибудь из моих студентов усердием походил на нее, — сказав эти слова, Женя отправил в рот финик. Пост был завершен.

ДОБРОЕ ДЕЛО

На пенсию Венера-апа вышла в пятьдесят пять. Она бы, конечно, еще поработала лет пять, а может быть, даже и десять. Она даже намекнула об этом руководству, но оно намека то ли не поняло, то ли не захотело понимать. Нельзя сказать, чтобы Венера-апа любила свою работу. Что там любить: бумажки, отчеты, бланки, печати.

Всю жизнь Венера-апа упрекала себя в том, что не приносит никому пользы. Садовник выращивает дерево, педагог воспитывает детей, библиотекарь выдает книжки и просвещает народ, а что я? — задавала она себе один и тот же вопрос. Как говорил покойный муж Венеры-апа, жизнь дана человеку однажды, и прожить ее надо так, чтобы потом не было больно. Сам ли он придумал эту фразу или вычитал где — Венера-апа не знала, но слова эти были ей по душе.

Но это только дурак и неуч думает, что доброе дело легко сотворить. А ты пойди сыщи это доброе дело. Добрые дела на дороге не валяются. Однажды Венера-апа шла из «Пятерочки» и вдруг почувствовала в ногах тяжесть. До дома оставалось каких-то несколько метров, но так ей тяжело стало — хоть на землю садись. И она бы села, если бы не боялась того, что соседи начнут потом злословить. Особенно эта с горбатым носом — Нурия — сразу доложит своему муженьку. И тут Венеру-апа осенило: вот оно, доброе дело. Как же она сразу не догадалась. Скамейка! Вот будет идти так же кто-то и устанет.

«Я умру, а люди будут сидеть на этой скамейке и добрым словом меня вспоминать, — мысленно произнесла Венера-апа. — Какая хорошая Венера-апа была, мол, о людях думала».

На следующий день Венера-апа пошла к депутату от их района. Довольно скоро оказалось, что этот депутат не от их района или их район не относится к тому депутату — в чем точно состояла проблема, Венера-апа не разобралась. Ее направили в другую инстанцию, к заместителю главы администрации, отвечавшему по должности за озеленение и скамейки.

Пока Венера-апа ждала в коридоре, она изучала содержание оформленного в оранжево-черных цветах стенда, висевшего слева от входа в кабинет. Венера-апа приблизилась к стенду и прочитала: «Мы гордимся их подвигом, а им не стыдно за нас». Под надписью имелись портреты нескольких ветеранов — женщин и мужчин. Лицо одного старика показалось Венере апа знакомым. Это был Мухамедшах, которого все, даже татары, звали дядей Мишей. «Он, кажется, не ветеран совсем, — подумала Венера-апа. — А, может, это не дядя Миша?»

Своей очереди Венера-апа дожидалась недолго. В кабинете в сером блестящем костюме сидел коротко стриженный человек с большими красными щеками. У него были глубоко посаженные волчьи глаза.

— Вы по какому вопросу? — спросил он строго.

— Я, сынок, по поводу скамейки.

— Какой скамейки?

— Обычной скамейки. Вот шла я недавно из «Пятерочки» — знаете, у нас на Шаляпина «Пятерочка» есть. Там люди вежливые, хорошие. Всегда помогут уж. Однажды у меня трех рублей не хватило, так мне Алия (продавец) говорит: «Не надо, Венера-апа. (Меня Венера-апа зовут.) Потом как-нибудь занесете». Очень хорошие люди. И охранник...

— Хорошо, а при чем здесь скамейка? — перебил чиновник.

— Подожди, сынок. Шла я из «Пятерочки» и почувствовала себя плохо. Так мне стало плохо, просто сил нету. Таблетки с собой не взяла. Лекарства сейчас дорогие. Сами знаете. Так вот, иду я. А мне плохо. А присесть негде. Ни одной скамейки уж.

— Простите, где, вы говорите, дело было?

— На Шаляпина, где пятиэтажки барачного типа стоят.

— Как же там скамейки нет? Есть, и не одна.

— Есть, но с другой стороны, а с этой нет, где подъезд. Ни одной. Вот я шла из «Пятерочки»...

— Хорошо. Я вас услышал. Видите ли, у нас бюджет в начале года утверждается, все скамейки у нас расписаны по конкретным объектам. Придется вам подождать следующего года.

Венера-апа была человеком добросовестным и явилась к чиновнику в первый же день после новогодних праздников.

— Я по поводу скамейки.

— Ах да, помню. Как себя чувствуете?

— Плохо, сынок.

— Что случилось?

— Душа у меня болит. Доброе дело людям сделать надо. Без скамейки никак.

— Неужели совсем без скамейки не жизнь? — рассмеялся краснощекий, изучая пенсионерку волчьими глазами. — Хорошо, пишите заявление. Как растает снег, весной установим.

«Глаза злые, а дело знает», — радостно подумала Венера-апа, уходя от чиновника.

И наступил тот день. Обычный апрельский день. Венера-апа оделась по-праздничному, вышла во двор и, ликуя, наблюдала, как потные от усталости тела рабочих внедряли скамейку в землю.

— А не унесут ее, малай?²⁵ — интересовалась Венера-апа, заглядывая в глаза рабочему.

— Куда уж, мамаша, — отвечал рабочий. — Не вишь, что ли, ее без домкрата не поднять. Она ввинчена уж.

— Ой, хорошо.

Когда рабочие уехали, Венера-апа села на скамейку. Она широко расставила руки, упершись в ребристые доски, словно боялась, что какая-то невидимая сила вырвет из-под нее скамейку и унесет прочь. Домой она отправилась, лишь когда совсем стемнело.

— Слышал новость? — сказала вечером Жене Нурися. — У нас скамейку во дворе установили.

Женя выглянул в окно.

— Зачем?

— Я вот тоже не знаю зачем. Венера-апа таки добилась своего. Весь вечер сидела на скамейке, как на троне.

— Не к добру это, — сказал Женя. И как в воду глядел.

²⁵ Малай (*татарск.*) — парень.

В ту же ночь Женя пробудился от слов, произнесенных совсем близко. Женя приподнялся на кровати, разглядывая комнату. Голоса доносились из приоткрытого окна.

— Я тебе не урка, понял?! — говорил кто-то с надрывом.

— Ты меня на «понял» не бери, — отвечал другой голос, принадлежавший, как заключил Женя, человеку почтенного возраста.

— Я тебе не урка, понял?! — вновь прозвучал первый голос.

— Ты меня на «понял» не бери, — все так же строго отвечал второй голос.

Женя посмотрел на жену. Она спала. Женя, почувствовав в сердце зависть к умению жены спать, выглянул в окно. На скамейке под их окном сидели двое: парень, одетый в черную футболку-сеточку и шорты, и седобородый дед в клетчатой рубашке, заправленной в тренировочные штаны. На голове у деда была белая фуражка, похожая на те, которые привозят туристы из Петербурга.

Женя распахнул окно и, стараясь не разбудить Нурису, произнес в темноту:

— Уважаемые, можно не шуметь, люди спят.

— Кто здесь? — встрепенулся дед.

— Это я, Женя. Сверху. Вы мешаете нам спать. Уйдите, пожалуйста, ради всего святого.

Дед и парень переглянулись.

— А сколько сейчас времени? — спросил дед.

— Два часа ночи.

— Е-мое, — вскричал парень, — нас же Витек у фонтана ждет. Айда!

Оба поднялись с места и, не прощаясь, заковыляли в темноту.

Женя вернулся в кровать и стал ждать приближение сна, но вновь чьи-то слова, непрошенные, ворвались в их квартиру.

— Короче, я говорю ей: «Ты че? Попутала штоль?» А она мне: «А ты че хотел?». А я ей: «Отвали».

— Ну ты ваще... и че?

Женя накрылся с головой одеялом и приказал себе немедленно уснуть. Потом голоса и в самом деле куда-то исчезли. И Женя, счастливо улыбаясь, приготовился спать. Он поглядел на жену, разметающуюся на постели. «Какая она хорошая у меня», — подумал он и зажмурился. Женя вдруг вообразил, как они с женой отправились на море, в теплую страну, у которой нет названия.

— А хрен тебе, — услышал Женя чьи-то слова. Женя вздрогнул и прислушался.

— Говно ты, а не человек, — продолжал тот же голос. — Понимаешь: го-вно. И я больше ничего не буду тебе объяснять.

Женя бросился к окну. На скамейке сидела девушка. Сначала Жене показалось, что она была без одежды, и он в смятении отпрянул от окна. Он стоял между окном и кроватью и боролся с искушением вновь высунуться в окно.

Положение спасла Нуриса. Она, словно почуввав недоброе, пробудилась и спросила:

— Что ты там высматриваешь? Ложись спать уж...

Утром Женю разбудил разговор на чужом языке. Снимавший в их доме квартиру таджик, работавший контролером в шестом троллейбусе, ходившем в Борисково, громко разговаривал по телефону с родиной...

Каждую ночь Женя молил Аллаха о том, чтобы наступило избавление. Нуриса тоже молила Аллаха, но не ограничивалась общением с Творцом, чередуя ритуальную практику с походами по кабинетам. Наконец ответ был получен. В восемь тридцать утра к дому на Шалапина подъехала «газель» с рабочими. Они, о чем-то переговариваясь друг с другом, извлекли свои инструменты и изготовились, чтобы выдернуть скамейку из земли.

— Что вы делаете, изверги!? — вскричала неизвестно откуда объявившаяся Венера-апа.

— У нас есть распоряжение убрать скамейку, — сказал один из рабочих, обидевшийся на «извергов».

— Какое такое распоряжение?

— Главы администрации района.

— Но этот... как его... с глазами такими... его заместитель... он же приказал вам установить скамейку. В апреле. Зачем же сносить, а?

— Поступила жалоба. Мешает жильцам.

— Кому?

— Нам, например, — сказала оказавшаяся тут же Нурися. — На ней сидят всю ночь, разговоры ведут.

— Неправда. Мне она, например, совсем не мешает.

— Венера-апа, у вас окна на другую сторону выходят.

— Да вы понимаете хоть, что вы творите. Это же, это же... — Венера-апа не сумела найти нужных слов и вдруг улеглась на скамейку и сказала: — Только через мой труп. Сначала убейте меня, а потом выкапывайте скамейку!

— Бабушка, бросьте хулиганить! — сказала Нурися.

— Кто хулиганит? Я? Да ты знаешь, кто я? У меня муж ветеран войны был! Я ветеран труда...

Рабочий отступил в сторону и куда-то позвонил. Разговор был короткий и тихий. До Нуриси доносились лишь отдельные слова: «Понимаю... Скандал... Едем...»

Окончив говорить, рабочий сказал свом товарищам: «Отбой».

— Куда ж вы? — спросила рабочих Нурися.

— Начальство дало отбой. Извините.

Нехорошо поглядела Нурися на Венеру-апа, но не сказала ей тех слов, которые шли у нее от самого сердца.

Прошло жаркое казанское лето. Бессонное и тревожное для Жени и других жильцов их дома, не имевших дара спать при любых обстоятельствах. Никто поначалу не заметил, как Венера-апа перестала появляться днем на своей скамейке. Решили, захворала или уехала куда-то. Только на третий день, когда из квартиры донесся тяжелый, гнусный запах, соседи занервничали. Женя как раз возвращался домой, когда двое крепких парней из соседнего подъезда выносили что-то, завернутое в простыню.

— Что несете? — спросил их Женя.

— Старушку одну. Померла. О чем думаете? Вонь такая. Мы чуть не задохнулись.

— Померла наша благодетельница, — сказал Женя и присел в смятении на скамейку Венеры-апа...

На следующий Женя, как обычно, отправился на работу, а Нурися — в администрацию. Не успела душа Венеры-апа встретиться с ангелами, а злочасная скамейка уже была выдернута из земли, как больной зуб. От доброго дела Венеры-апа остались четыре небольших отверстия в земле, которые, впрочем, тоже скоро исчезли. В сентябре в Казани часто идут дожди...